

Т.В.Евгеньева, А.В.Селезнева

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Ключевые слова: российская идентичность, национально-государственная идентичность, молодежь, политические ценности, политические символы, Крым

Одной из знаковых тенденций нынешнего этапа политического развития можно назвать активизацию различных, в том числе открыто агрессивных, форм геополитической конкуренции, опирающихся как на традиционные (военно-политические, экономические) инструменты, так и на новейшие информационно-психологические технологии. В современной России эта тенденция накладывается на отмечаемую многими исследователями ценностную аномию массового сознания¹, с одной стороны, и ряд символических расколов, связанных, в частности, с непреодоленными противоречиями в оценке отдельных периодов отечественной истории² и некоторых последних политических событий, с другой. В этих условиях вопрос о ценностной консолидации российской нации, формировании и сохранении ее идентичности приобретает особую значимость как на теоретико-методологическом, так и на политическом уровне. Причем наиболее остро он стоит применительно к молодежи как социальной группе, в максимальной степени подверженной информационному и иному влиянию, и поколению, от которого зависит будущее страны.

¹ Подробнее см. Селезнева 2016.

² Подробнее см. Евгеньева, Титов 2017.

Теоретико-методологические основания исследования

Анализируя российскую идентичность, мы относим ее к национально-государственному типу, что, с нашей точки зрения, вполне адекватно отражает политико-культурные и социально-психологические параметры идентификации сообщества. Владимир Капицын называет такого рода идентичность «объединяющей» и определяет ее как идентификацию с государственной властью³. Политико-психологическая

³ Капицын 2014: 15.

трактовка данного феномена существенно шире и глубже — под ним понимается «исторически и культурно обусловленная психологическая самоассоциация личности с геополитическим образом (образами) определенной национально-государственной общности, имеющая в своем основании личностные мотивы и социальные ценности, закрепляющаяся и проявляющаяся через символические репрезентации»⁴. Теоретическую базу для подобного исследования национально-государственной идентичности составляют классический конструктивистский подход, сформулированный в рамках теории национализма (Бенедикт Андерсон⁵, Эрнест Геллнер⁶, Эрик Хобсбаум⁷), культурно-исторические подходы к пониманию нации (Энтони Смит⁸, Крэйг Калхун⁹), а также концептуальные разработки российских ученых¹⁰.

Национально-государственную идентичность можно также рассматривать как идентичность макрополитическую (в терминологии Ольги Малиновой¹¹), которая целенаправленно конструируется различными политическими акторами. В этом случае речь идет о политике идентичности как специальной деятельности по формированию и поддержанию таковой¹².

Политико-психологический анализ национально-государственной идентичности предполагает выделение в ее структуре трех взаимосвязанных компонентов: образов, ценностей и символов¹³. В настоящей статье мы сосредоточим внимание на ценностях и символах, поскольку первые выступают центральным, смыслообразующим основанием для консолидации сообщества, а вторые обладают значительным потенциалом для осуществления целенаправленной политики по конструированию нации. Что касается политических образов, то, будучи (с точки зрения психологии) отражением в сознании людей политической реальности, они не только разнообразны и неустойчивы, но и детерминированы ценностями и символами¹⁴.

Под *политическими ценностями* в нашем исследовании понимаются устойчивые убеждения, отражающие значимость для индивида или группы тех или иных идей, принципов, характеристик политических явлений и процессов. Политические ценности составляют ядро политической картины мира человека, они опосредуют восприятие людьми политической реальности, структурируют образно-символическое пространство идентичности и определяют возможности консолидации граждан в единую нацию¹⁵.

При анализе *политических символов* мы отталкиваемся от концепции символической политики¹⁶. Субъекты этой политики — государство и иные политические и неполитические акторы — создают, легитимируют, продвигают либо оспаривают символические способы интерпретации социальной реальности. А массовое сознание принимает (или отвергает) предлагаемые символы, иногда трансформируя заложенные в них смыслы и одновременно генерируя собственные, с которыми политические акторы вынуждены считаться. Символическое значение могут приобретать образы политических и иных (научных,

⁴ Титов 2012: 62.

⁵ Андерсон 2016.

⁶ Геллнер 1991.

⁷ Hobsbawm 2002.

⁸ Смит 2004.

⁹ Калхун 2006.

¹⁰ См., в частности, Тишков, Шаббаев 2011.

¹¹ Малинова 2010.

¹² См., напр. Миненков 2005; Klandermans 2014.

¹³ Евгеньева, Титов 2010.

¹⁴ Подробнее см. Шестопал (ред.) 2012.

¹⁵ Селезнева 2011а.

¹⁶ См., напр. Edelman 1985; Малинова 2015.

культурных, спортивных) деятелей, исторических и современных событий, географических и административных объектов, идентификационный потенциал которых существенно возрастает в периоды трансформаций. Образ «врага», против которого объединяется сообщество, тоже имеет символический смысл.

Описанная концептуальная модель лежит в основе долгосрочного научно-исследовательского проекта «Формирование национально-государственной идентичности в современной России», который реализуется на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова с 2003 г. Методология исследований включает в себя комплекс количественно-качественных методов и инструментов сбора и анализа данных, в том числе формализованные интервью, фокус-группы, а также ассоциативные и проективные техники (психологические рисунки «Россия в виде дома» и «Россия в виде несуществующего животного», метод неоконченных предложений, метод графического картирования). В ходе проекта было проведено несколько замеров: в 2003, 2008—2009, 2011—2012, 2014 и 2016 гг. В настоящей статье представлены обобщенные результаты исследования (в динамическом аспекте)¹⁷.

¹⁷ *Итоги отдельных этапов исследования см. Евгеньева 2004; Селезнева, Евгеньева 2007; Евгеньева, Титов 2010; Евгеньева, Селезнева 2013, 2016.*

Кризис идентичности 1990-х годов

В 1980-е годы советская идентичность переживала глубокий кризис. Его проявлением был распад системы образов и стереотипов советской политической культуры, формировавших символическое пространство идентичности, который сопровождался хаотическим проникновением новых символов и, как следствие, разрушением психосемантической составляющей массового сознания.

В первое постсоветское десятилетие главной моделью, претендующей на то, чтобы предложить новую идентичность в сфере политики, стала оппозиция «демократы» — «коммунисты». С начала 1990-х годов российская политическая и культурная элита интерпретировала ключевые события политической жизни как конфронтацию между этими стереотипизированными образами (и продвигала такую интерпретацию через систему массовой коммуникации). «Демократы» сформировали особое символическое сообщество, которое объединило все интеллектуальные и политические группы, выступавшие против «коммунистов». Связь образа данного сообщества с «западной демократией» составляла важный элемент его идентификации.

Пик этого символического противостояния пришелся на 1996 г., когда борьба между кандидатами на пост президента РФ оказалась представлена в массовой коммуникации как мифологическое противостояние сил «Добра» (в лице «демократов», поддерживавших Бориса Ельцина) силам «Зла» (в лице сторонников возврата к «тоталитарному» прошлому, поддерживавших Геннадия Зюганова).

Указанное противостояние нашло свое отражение в массовом сознании, которое в этот период пребывало в состоянии ценностной диф-

¹⁸ Лапин 1996.

¹⁹ См. Капустин, Клямкин 1994; Клямкин, Лапкин, Пантин 1995.

²⁰ Инглхарт, Вельцель 2011.

²¹ Андреевкова 1994; Башкирова 2000.

²² Например, крылья в изображении России должны были символизировать «высокую духовность» российского общества.

²³ Типичный ответ респондентов на просьбу нарисовать Россию и прокомментировать рисунок: «Россия — это что-то огромное».

ференциации¹⁸. По оценке социологов, в середине 1990-х годов в пестром и сегментированном массовом сознании доминировали две тенденции — либерально-демократическая и авторитарная (традиционная советская), — которые в ряде случаев проявлялись среди одних и тех же групп населения¹⁹. В целом российские граждане, в том числе молодежь, ориентировались в тот период на материалистические ценности, или ценности выживания (в терминологии Рональда Инглхарта²⁰)²¹.

Предложенная модель не способствовала формированию общероссийской идентичности, на месте которой актуализировались (с разной степенью агрессивности) образы и символы идентичности этнической или региональной (от «маленького Кувейта» в Татарстане и «Уральской республики» до провозглашения независимой Чеченской Республики Ичкерия). Символическая политика переместилась на уровень регионов, а символическое пространство регионализировалось (юбилей города/региона, выдающиеся земляки в сочетании с московскими стереотипами вроде «понаехали тут», «лица кавказской национальности» и т.д.).

Результатом происходивших процессов стала узость символического пространства общероссийской идентичности при отсутствии какой-либо целенаправленной политики в этой сфере со стороны политических субъектов. Так, в ходе замера 2003 г. большинство респондентов не смогли назвать никаких символов политической или гражданской идентичности, подчеркивая этнокультурный или исторический аспект российской нации²². Определенную проблему представлял даже выбор между «русскими» и «россиянами». Часть респондентов интерпретировала «идеальных» жителей России исключительно как этническую общность русских. Весьма показательным также появление на проективных рисунках Чебурашки как символического персонажа, на знаящего ответа на вопросы «Кто я?» и «Откуда я?».

Анализ специфики символического пространства региональной и локальной идентичностей рассматриваемого периода указывает на тенденцию к трактовке данных пространств как «своих», вне связи с Россией, воспринимаемой в качестве географического понятия или абстрактного государства.

Вместе с тем символический смысл в массовом сознании начал приобретать образ территории и ее границ²³. Одна, и весьма значительная, часть граждан ориентировалась на существующие границы (хотя и не очень отчетливо их представляла: во всяком случае, наши респонденты нередко не могли правильно обозначить их на контурной карте и обычно забывали Калининградскую область). Другая (тоже довольно многочисленная) демонстрировала склонность к их расширению.

NB! Примечательно, что если представители старшего поколения в основном пытались воспроизвести границы СССР, то молодежь часто обращалась к образу Российской империи, включая в состав страны Польшу, Финляндию или даже Аляску. Исключительно

символическое значение подобного расширения границ подтверждается тем, что авторы рисунков не могли объяснить, какую пользу России принесет возвращение Аляски.

В то же время серьезное место среди символов, определяющих национально-государственную самоидентификацию граждан, постепенно занял символический образ агрессивного Запада (США, НАТО). Можно предположить, что в отсутствие позитивных оснований для идентификации в массовом сознании стали актуализироваться, казалось бы, забытые символы советского периода, позволявшие обрести идентичность в противостоянии общему «врагу»²⁴.

²⁴ *Подробнее см. Селезнева, Евгеньева 2007.*

**Стихийные
поиски
российской
идентичности
2000-х – начала
2010-х годов**

К середине «нулевых» в массовом сознании постепенно формируется ценностный консенсус как отражение появившейся еще в середине 1990-х годов тенденции к консолидации. Актуализируется идея единения России с целью возрождения ее как великой державы²⁵, повышается значимость ценностей государственности и патриотизма, выражающихся в стремлении видеть страну богатой и уважаемой²⁶. Наиболее важными для всех поколений россиян становятся ценности мира, порядка, справедливости, законности. Молодые люди, как и представители более старших возрастных групп, ориентируются на материалистические ценности, выдвинутые на передний план потребностью в физической и экономической безопасности²⁷. Эти ценности определяют восприятие и оценку молодежью своей страны, власти и политических институтов, обуславливают придание им символического значения.

²⁵ *Горшков, Крумм, Петухов (ред.) 2011.*

²⁶ *Петухов 1999.*

²⁷ *Селезнева 2011б.*

Символическое пространство российской идентичности существенно трансформируется. Однако эта трансформация не является следствием целенаправленной символической деятельности государства или иных политических институтов. Они не предлагают программы формирования национально-государственной идентичности ни в качестве целостного конструкта, ни в виде системы символов. Вопросы «Кто мы?», «Откуда и куда мы идем?» остаются без ответа как на идейно-концептуальном, так и на символическом уровне. Процесс заполнения символического пространства носит скорее спонтанный характер и во многом зависит от повестки дня, преобладающей в средствах массовой информации. Так, к 2008 г., на фоне газового конфликта с Украиной и повышенного внимания СМИ к проблематике, связанной с ролью государства в транспортировке энергоносителей, важное место среди символов России в представлениях граждан приобретают нефть и газ. В 2009 г. оживленное обсуждение реформы Вооруженных сил РФ актуализирует символику военной мощи России.

В начале третьего постсоветского десятилетия происходит быстрая трансформация российского коммуникативного пространства. На первый план выходят новые способы коммуникаций, прежде всего интернет, что еще больше усиливает фрагментарный характер транслируемых

гражданам образов и символов. Именно в интернете постоянно возникают и модифицируются новые модели социальной и политической идентичности молодежи.

Значительное место в символическом пространстве российской идентичности в рассматриваемый период занимает образ президента РФ Владимира Путина как одного из центральных элементов идентификации со страной и государством. Указанная тенденция сохраняется и после избрания президентом РФ Дмитрия Медведева. К тому моменту Путин уже приобрел в массовом сознании черты мифологического героя, выводящего страну из внутреннего хаоса и возвращающего ей достойную роль на мировой арене. В этих условиях преемник мог получить пост президента, но не его символический статус.

Важным направлением трансформации пространства российской идентичности стало появление разнообразных символов, демонстрирующих эмоциональную связь граждан со страной. На вербальном уровне такую связь выражали словосочетания «моя страна», «мой дом», в проективных рисунках — изображения единства символического российского дома с окружающей его природой.

NB! В отличие от рисунков 2003 г., где на чистом белом листе был представлен абстрактный дом без каких-либо элементов, символизирующих эмоциональную связь автора с Россией, на рисунках 2009 г. изображение дома с окружающей его природой заполняет все пространство листа, над домом светит солнце, вокруг цветы и деревья, течет река, летают птицы и т.д.

Все более позитивное отношение к российскому государству, гордость за его достижения сочетались с ростом негативного восприятия представителей государственных институтов (за исключением президента) — чиновников, депутатов парламента, силовиков²⁸. В результате к началу 2010-х годов в символическом пространстве гражданской самоидентификации заметно более выражено, по сравнению с предыдущими периодами, противостояние народа («обычных людей») и коррумпированных чиновников (практически полностью заменивших олигархов). При этом сколько-нибудь четкие и когнитивно сложные представления о существующих в России социальных группах и слоях и взаимоотношениях между ними практически отсутствовали²⁹. Идентификационная модель символического противостояния народа и коррумпированных чиновников оказалась востребована массовым сознанием в качестве доступной репрезентации чувства неудовлетворенности и была успешно использована при подготовке протестных выступлений оппозиции 2011—2012 гг.

С появлением позитивных символических элементов идентификации значимость образа геополитического «другого» для российской идентичности сократилась. Публикации СМИ, посвященные финансово-экономическому кризису 2008—2009 гг. (который, как утверждалось,

²⁸ Так, в сознании примерно половины респондентов полицейские ассоциировались не с защитой от опасности, а с самой опасностью.

²⁹ На многих проективных рисунках 2011 г. на верхнем уровне дома были помещены чиновники, а на нижнем — народ, простые люди, обезличенная масса, которая не воспринималась в качестве самостоятельного политического субъекта. Часто дом (вместе с людьми) горел, тонул, разрушался.

³⁰ На рисунках того периода появляется маленький домик «США» на фоне большой и красивой «России» и слабое животное «Америка», которое просит помощи у сильной «России».

затронул Россию меньше, чем ведущие западные страны), сформировали у значительной части граждан представление, что Запад недостаточно силен, чтобы противостоять экономическим проблемам. США все еще воспринимались как враг, но этот враг уже не казался таким серьезным³⁰.

В целом символический образ врага приобрел к концу «нулевых» большее разнообразие. Наряду с ушедшими на второй план внешними врагами актуализировался образ врагов внутренних. «Понаехавшие» из «чужих» превратились в опасных потенциальных преступников и террористов, а утратившие внимание СМИ олигархи (символический враг начала «нулевых») оказались вытеснены образом коррумпированных чиновников, не просто получающих доход за счет обмана населения, но и разрушающих тем самым российское государство.

К началу 2010-х годов символическое пространство идентичности заметно заполнилось. Среди наиболее часто встречающихся позитивных символов можно упомянуть Путина (олицетворяющего все российское государство), Кремль (теперь символизирующий силу государства), медведя (сильного и справедливого, как русский народ), победу в Великой Отечественной войне (Россия всегда побеждает врагов) и не очень четко определяемый «русский дух». Осознанно стали восприниматься государственные символы — флаг и герб (в отличие от начала 2000-х годов с типичной для них путаницей в расположении полос на российском флаге и образом «цыпленка-мутанта»). Серьезное место в символическом пространстве российской идентичности занял Иосиф Сталин, трактуемый как не только сильный, но и справедливый правитель. Не случайно именно в этот период, особенно в ходе думской избирательной кампании 2011 г., образ Сталина стал открыто использоваться политическими партиями для идентификации сторонников.

На фоне относительной бедности и рассогласованности символического пространства российской идентичности возник первоначально смутный, а к 2010-х годам — уже явно выраженный интерес массового сознания к символам советского прошлого, ассоциирующегося теперь не с коммунистической идеологией, а со стабильностью и уверенностью в завтрашнем дне. Первыми это заметили специалисты по коммерческой рекламе, начавшие активно использовать в ней известные советские бренды («чай со слонем», «мороженое „48 копеек“», «советские» чебуречные и пельменные и др.). Вслед за ними к образам событий, людей и предметов советского времени обратились и различные политические акторы³¹.

³¹ Подробнее о советских символах см. Евгеньева, Селезнева 2016.

Еще одна особенность рассматриваемого периода — появление отдельных, в основном фрагментарных, элементов идентичности гражданского типа у молодого поколения россиян. У части молодых жителей мегаполисов и крупных региональных центров актуализировалась потребность в «образе будущего», который бы опирался не столько на транслируемые СМИ символы материального достатка, сколько на сопричастность граждан к реализации серьезных целей, значимых для страны. Однако в условиях размытости социального и политического

проекта гражданская самоидентификация нередко принимала эскапистскую («Пора валить»), защитную («Кругом враги») форму или приобретала оппозиционную направленность, выражающуюся в негативных оценках существующей политической системы и ее представителей и участии в протестных акциях.

А вот межэтнические противоречия сохранили значимое место в самоидентификации преимущественно жителей Москвы и Московской области, а также регионов, граничащих с республиками Северного Кавказа. Идентифицирующая функция образа внешнего врага тоже заметно ослабла. Стереотипизированные образы врагов России (прежде всего США и НАТО, реже Западной Европы, образ которой оставался амбивалентным), как правило, служили дополнением образа независимой России.

«После Крыма»: идентификационные противоречия середины 2010-х годов

³² В 2013 г., выступая на сессии международного дискуссионного клуба «Валдай», Путин сформулировал задачу «поиска новой стратегии и сохранения своей идентичности в кардинально изменяющемся мире» (Выступление 2013).

Дальнейшая трансформация ценностно-символического пространства российской идентичности во многом определялась политическим контекстом.

На фоне обострения международных конфликтов проблема формирования российской идентичности из предмета абстрактных дискуссий политиков и экспертов перешла (с подачи Путина³²) на уровень обсуждения конкретных шагов. Актуализировались поиски нового политико-культурного проекта, опирающегося на историческую память народа и историческую политику государства. В ходе этих поисков центральное внимание уделялось отечественной истории: от конструирования единой концепции истории России в рамках школьного образования до выстраивания отдельных элементов символической составляющей исторических представлений (фильмы и телепередачи, праздники, посвященные памятным событиям прошлого, установка памятников и т.д.).

Дополнительную актуальность проблеме придали события на Украине, «крымская весна» и присоединение Крыма, санкции Запада и российские контрсанкции, а также другие конфликты по линиям Россия — Украина и Россия — Запад, эмоционально освещаемые в средствах массовой информации. Многие из них впоследствии, с одной стороны, превратились (стихийно или усилиями СМИ) в значимые символы самоидентификации российской нации (образ «возвращенного Крыма»), с другой — спровоцировали ряд культурных и политических идентификационных противоречий.

Результатом указанных процессов стало усиление амбивалентных характеристик ценностно-символического пространства российской идентичности одновременно по нескольким направлениям.

Первое направление связано с политическими ценностями. Система ценностей молодежи не изменилась: наиболее значимыми в ее глазах по-прежнему выступают ценности мира, безопасности, порядка, законности и справедливости (к которым добавились ценности свободы и прав человека). Смысловое наполнение этих ценностей происходит на основе

³³ Селезнева 2014.

синтеза разнообразных, неструктурированных и порой противоречивых представлений о политических процессах и событиях. Молодежь (как и представители старших поколений) остается материалистически ориентированной³³. В десятку самых значимых для нее политических ценностей входит и патриотизм, но он является ценностью второго уровня. Другими словами, патриотизм как ключевой идеологический конструкт, предлагаемый руководством страны, слабо соотносится с ценностным запросом молодежи. Отсюда, на наш взгляд, столь высокий уровень декларативности патриотических установок: молодые люди провозглашают себя патриотами и заявляют о любви к Родине, но не имеют четких и системных представлений о ее истории, географии и культуре, испытывают противоречивые чувства по отношению к государству и не очень склонны к патриотическому поведению.

Второе направление — своеобразный возврат к символизации территории. С одной стороны, воспроизводятся символические образы официального политического дискурса, сосредоточенные вокруг возвращения Крыма, вновь актуализировавшего идею расширения территории страны²⁴. С другой, в Москве и иных крупных городах европейской части страны просматривается тенденция к ограничению пространства России территорией до Урала. Примечательно, что в обоих случаях обозначаемое пространство воспринимается достаточно абстрактно: сторонники территориальной экспансии чаще всего забывают о Калининградской области, а приверженцы идеи «Россия до Урала» не могут объяснить, что должно произойти с остальной территорией.

Третье направление — оценочный образ современной России, определяющий степень готовности к идентификации со страной и государством. В ходе исследования были выявлены три основных сегмента молодежи, различающихся по своим идентификационным характеристикам.

В первом сегменте по-прежнему превалирует тенденция к идентификации с Россией как «моей Родиной», «моим домом», безотносительно к противоречиям политического дискурса. При этом подобная самоидентификация часто сочетается с негативной оценкой государства и его институтов.

Ко второму сегменту принадлежат условные патриоты-государственники, для которых «воссоединение Крыма», военная поддержка Башара Асада и иные действия власти — основа для идентификации с сильной и самостоятельной Россией. «Россия-дом» воспринимается ими как крепость, которую атакуют разного рода враги. Существенную роль в этом сегменте играет образ внешнего врага, а силу государства символизируют всевозможные виды оружия. Среди враждебных «других» на первых местах — США и Украина, далее Евросоюз, Польша, Грузия, символизирующие различные стороны геополитического противостояния. Важно отметить также актуализацию образа внутренне-го врага, призванного компенсировать чувство неудовлетворенности,

³⁴ Обозначая желаемые границы России, молодые люди обращаются к образам СССР (в состав которого, помимо собственно России, обычно включаются лишь Белоруссия, Украина и Закавказье) или Российской империи.

связанное с социально-экономическими проблемами и отсутствием привлекательного для молодого поколения образа будущего.

Третий сегмент отражает относительно новую тенденцию в восприятии страны ее молодыми гражданами. Противоречивые, но в целом негативные геополитические оценки России символически выражаются такими словами, как «агрессия», «аннексия», «изоляция», а внутренняя политика ассоциируется с «диктатурой» власти, с одной стороны, и «нищетой» народа — с другой³⁵.

³⁵ Дом в соответствующих проективных рисунках представляет собой либо разрушающееся строение, окруженное замусоренным пустырем или пеньками от срубленных деревьев, либо клетку, из которой запертые в ней люди тянут руки к свободе, а несуществующее животное, олицетворяющее Россию, откровенно агрессивно.

Одним из значимых символов социально-политической самоидентификации российской молодежи становится образ Крыма («возвращенного» для первых двух сегментов и «аннексированного» — для третьего). При оценке складывающейся социально-экономической и политической ситуации часто присутствует формулировка «после Крыма».

Четвертое направление — история и исторические символы. Для большинства молодежи история остается не целостным процессом, а скорее совокупностью отдельных событий. Самыми значимыми для молодых людей историческими событиями являются победа в Великой Отечественной войне, полет в космос Юрия Гагарина и возвращение Крыма. Отметим, что все эти события-символы прямо или косвенно ассоциируются с советским периодом. Советский период в целом вызывает позитивные эмоции, воспринимается значительной частью молодежи как время «справедливости», с одной стороны, и «силы» и «величия» России — с другой. Сталин, наряду с Петром I и Екатериной II, входит в первую тройку деятелей прошлого, выделяемых в качестве символов России.

Остальные исторические события и персонажи возникают в сознании молодежи ситуативно, на фоне конкретных юбилеев, когда к ним обращаются средства массовой информации (как правило, в формате краткосрочных или разовых информационных кампаний): тема Отечественной войны 1812 г. актуализировалась в 2012 г., тема Первой мировой войны — в 2014 г., а о событиях 1612 г. обычно вспоминают лишь накануне 4 ноября. Дискуссии 2015 г. об установке памятника князю Владимиру напомнили о существовании этого исторического деятеля и связанного с ним исторического события — крещения Руси.

Среди перечисленных символов именно Сталин традиционно выступает источником самых серьезных расколов. В большинстве политических дискуссий этот образ остается мифологизированным, лишенным каких бы то ни было личностных черт, предстывая либо как мифологический Герой, либо как символ абсолютного Зла³⁶. При этом в глазах позитивно воспринимающей его части молодежи он может выполнять две противоположные функции: если для условных патриотов-государственников Сталин символизирует возрождение «Великой России», которую в мире боятся и уважают, то для испытывающих недовольство действиями государства и его институтов — более справедливое будущее («При Сталине не было коррупции»).

³⁶ О мифологических аспектах восприятия прошлого см. Евгеньева, Титов 2017.

**Современные
тренды**

При том что исследования конца 2016 — первой половины 2017 г. в целом не выявили существенных сдвигов в структуре ценностно-символического пространства российской идентичности, значимость и соотношение ряда уже сложившихся символов, во многом зависящих от повестки дня традиционных СМИ или интернета, несколько изменились.

В системе политических ценностей молодых россиян серьезных изменений нет и в ближайшее время не предвидится. Она остается единой и относительно устойчивой, хотя прояснения ценностных понятий не происходит. В сознании молодежи по-прежнему преобладают материалистические ценности. Зафиксированная Инглхартом и Кристианом Вельцелем тенденция к распространению постматериалистических ценностей при переходе от старших поколений к младшим (при повышении уровня жизненной защищенности людей)³⁷ пока не получила в России заметного развития. Даже самая юная «путинская» когорта молодежи³⁸, чья первичная социализация пришлась на «тучные» годы, устойчиво демонстрирует высокий уровень актуализации ценностей выживания.

Продолжает сохраняться «отстройка» от стереотипизированного Запада. В то же время избрание Дональда Трампа на пост президента США и завышенные ожидания позитивных сдвигов в отношениях с этой страной, транслируемые СМИ, на какой-то момент ослабили роль Америки как символического врага. Аналогичный эффект имели и многочисленные сообщения о проблемах Германии и других стран Западной Европы в связи с плохо контролируемой миграцией и опасностями, исходящими от прибывающих беженцев. Параллельно стала расти символическая значимость негативных образов государств Балтии, Украины и Польши, во многом связанная с медийной оценкой их политических решений и действий.

На фоне публикации на YouTube документального фильма-расследования Фонда борьбы с коррупцией Алексея Навального «Он вам не Димон» и акций 26 марта 2017 г. актуализировались негативные символы конфронтационной модели «граждане — чиновники». Вместе с тем следует отметить, что эта модель достаточно быстро вытесняется более общей оппозицией «граждане — власть», гораздо меньше представленной в предшествующие периоды. Впрочем, данная оппозиция по-прежнему не затрагивает Путина, который остается единственным неизменным символом современной России, не зависящим от конкретной политической конъюнктуры, а также некоторых популярных министров (таких, как Сергей Лавров и Сергей Шойгу), которые не ассоциируются с абстрактной «властью».

В целом последние замеры свидетельствуют о сохранении согласованности процессов идентификации с Россией-страной и Россией-государством³⁹. Оценочная амбивалентность символических образов, через которые молодые люди воспринимают государство и его институты, может в перспективе стать фактором, препятствующим формированию гражданской составляющей российской идентичности.

³⁷ См. Инглхарт, Вельцель 2011: 143—172.

³⁸ То есть та часть молодого поколения, представители которой родились в период, когда Россия возглавлял Путин.

³⁹ Вербальные характеристики и проективные тесты демонстрируют увеличение позитивных ассоциаций «Россия — мой дом» и «Россия — моя Родина» и негативных оценок абстрактной власти и конкретных государственных институтов.

Значимость Крыма как символа современной России сокращается. По-видимому, факт вхождения полуострова в состав России перестал вызывать серьезный эмоциональный отклик, а в ряде случаев порождает негативную реакцию («Крым поглощает слишком много ресурсов»). В то же время (возможно, в результате возросшего внимания СМИ) просматривается тенденция к превращению ДНР и ЛНР, а иногда и Приднестровья и Северной Осетии в символы расширения пространства идентификации («русские территории», «наши люди»).

«Крымский консенсус» власти и общества постепенно утрачивает свою значимость в качестве фактора гражданской самоидентификации, а победы в Сирии, смысл которых не до конца понятен рядовым гражданам, не оказали заметного влияния на систему символов молодого поколения.

В этой ситуации гражданская самоидентификация молодежи может принимать форму поиска альтернативных социально-политических проектов, роста интереса к образам и символам, предлагаемым оппозиционными политическими акторами.

NB! Правда, и здесь есть немало проблем. Что касается символического пространства системной оппозиции, то оно заполнено устаревшими образами, едва ли способными привлечь молодое поколение. В свою очередь, символы, предлагаемые Навальным, хотя и отличаются оригинальностью и вызывают эмоциональный отклик («Домик для утки»), зачастую быстро теряют эмоциональную привлекательность и продолжают жить преимущественно в виде интернет-мемов.

Выводы

Процесс формирования национально-государственной идентичности в современной России долгое время носил крайне противоречивый характер и был связан не столько с целенаправленной политикой государства (которая практически отсутствовала), сколько с поиском ценностно-идеологических концептов и символических образов для решения сиюминутных задач. В этих условиях становление идентификационных представлений молодого поколения происходило под влиянием ситуативных факторов и/или информационных кампаний в СМИ.

Политико-экономические трансформации начала 1990-х годов и вызванный ими социокультурный кризис разрушили систему ценностей и смыслов, определявших самоидентификацию «советского человека». Результатом стала пустота образно-символического пространства российской идентичности, на фоне которой актуализировались этнорегиональные идентичности.

В 2000-е годы ценностно-символическое пространство российской идентичности начинает постепенно заполняться: формируется определенный ценностный консенсус, появляются отдельные позитивные символы. В итоге во второй половине десятилетия в качестве

основы самоидентификации значительной части молодежи утверждается восприятие России как сильной и независимой страны, пользующейся влиянием на мировой арене, но при этом не лишенной недостатков, связанных в первую очередь с несправедливостью в социальной сфере.

К середине 2010-х годов происходит некоторое расширение ценностно-символического пространства российской идентичности с одновременной его фрагментацией и развитием нескольких разнонаправленных процессов (актуализация государственно-патриотической символики — и рост числа и эмоциональной насыщенности негативных символов; эмоционально позитивная идентификация со страной — и психологическое дистанцирование от «несправедливого» и «коррупцированного» государства; стремление принимать участие в созидании будущего России — и неудовлетворенность отсутствием значимых целей и смыслов, направляющая возможную политическую активность в протестное русло).

Следует также отметить внедрение в массовое сознание (возможно, непреднамеренное) средствами массовой информации, в том числе интернет-ресурсами, символики противостояния и агрессии, обостряющей уже имеющиеся противоречия и порождающей новые расколы, тем самым становясь дополнительным препятствием на пути становления российской идентичности.

Обобщая результаты исследования, можно выделить несколько наиболее важных направлений, по которым должна вестись дальнейшая работа по формированию российской национально-государственной идентичности. Во-первых, нужно удовлетворить запрос молодежи на привлекательный образ будущего, способный четко и внятно определять персональные траектории в контексте «большого проекта» развития России. Во-вторых, необходимо предложить молодежи систему национальных ценностей (а не один только патриотизм), которые бы отражали политико-культурную специфику нашей страны и задавали идеологический вектор ее развития. В-третьих, учитывая набирающую силу (особенно в молодежной среде) тенденцию к фрагментированному, эмоциональному, часто импульсивному восприятию информации (так называемое «клиповое мышление»), следует обратить внимание на образно-символическое измерение политического дискурса и от ситуативного подхода к созданию и актуализации политических символов, нацеленного на решение конкретных задач, перейти к системной символической политике, формирующей у молодого поколения целостный политический образ мира.

Библиография

Андерсон Б. 2016. *Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма*. — М.: Кучково поле.

Андреев А.В. 1994. Постматериалистические / материалистические ценности в России // *Социологические исследования*. № 11. С. 73—81.

Башкирова Е.И. 2000. Трансформация ценностей российского общества // *Полис*. № 6. С. 51—65.

Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». 2013 // *Российская газета*. 19.09 (<https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>).

Геллнер Э. 1991. *Нации и национализм*. — М.: Прогресс.

Горшков М.К., Крумм Р., Петухов В.В. (ред.) 2011. *Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): Аналитический доклад*. — М.: Весь мир.

Евгеньева Т.В. 2004. Культурно-психологические основания образа «другого» в современной России // *«Чужие» здесь не ходят: Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России*. — М.: Институт Африки РАН. С. 39—57.

Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. 2007. Образ врага как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // *Полития*. № 3 (46). С. 83—92.

Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. 2013. Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. № 3. С. 158—167.

Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. 2016. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // *Полис*. № 3. С. 25—39.

Евгеньева Т.В., Титов В.В. 2010. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // *Полис*. № 4. С. 122—134.

Евгеньева Т.В., Титов В.В. 2017. Образы прошлого в российском массовом политическом сознании: мифологическое измерение // *Политическая наука*. № 1. С. 120—138.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. — М.: Новое издательство.

Калхун К. 2006. *Национализм*. — М.: Территория будущего (<http://www.prognosis.ru/lib/Calhoun.pdf>).

Капицын В.М. 2014. Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации) // *Politbook*. № 1. С. 8—32.

Капустин Б.Г., Клямкин И.М. 1994. Либеральные ценности в сознании Россиян // *Полис*. № 1. С. 68—92.

Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И. 1995. Между авторитаризмом и демократией // *Полис*. № 2. С. 57—87.

Лапин Н.И. 1996. Модернизация базовых ценностей россиян // *Социологические исследования*. № 5. С. 3—23.

Малинова О.Ю. 2010. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // *Полис*. № 2. С. 90—105.

Малинова О.Ю. 2015. *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. — М.: Политическая энциклопедия.

Миненков Г.Я. 2005. Политика идентичности: взгляд современной социальной теории // *Политическая наука*. № 3. С. 21—38.

Петухов В.В. 1999. Политическое участие россиян: характер, формы, основные тенденции // Макфол М., Рябов А. (ред.) *Российское общество: становление демократических ценностей?* — М.: Гендальф. С. 198—228.

Шестопад Е.Б. (ред.) 2012. *Психология политического восприятия в современной России*. — М.: РОССПЭН.

Селезнева А.В. 2011а. Политико-психологический анализ политических ценностей современных российских граждан: поколенческий срез // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. Т. 3. № 15. С. 22—33.

Селезнева А.В. 2011б. Политико-психологический подход к исследованию политических ценностей // *Вестник Томского государственного университета*. № 345. С. 56—60.

Селезнева А.В. 2014. *Молодежь в современной России: политические ценности и предпочтения*. — М.: Аргатак-медиа.

Селезнева А.В. 2016. Российское общество в постсоветский период: динамика ценностных изменений элиты и граждан // *Политическая наука*. Спецвыпуск. С. 149—169.

Смит Э.Д. 2004. *Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий нации и национализма*. — М.: Праксис.

Титов В.В. 2012. *Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века*. — М.: Макс пресс.

Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. 2011. *Этнополитология: Политические функции этничности*. — М.: Издательство Московского университета.

Edelman M. 1985. *The Symbolic Uses of Politics*. — Urbana: University of Illinois Press.

Hobsbawm E. 2002. Inventing Traditions // Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) *The Invention of Tradition*. — Cambridge: Cambridge University Press. P. 1—14.

Klandermans P.G. 2014. Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the Dynamics of Protest // *Political Psychology*. Vol. 35. № 1. P. 1—22.

References

Anderson B. 2016. *Voobrazhaemye soobshhestva: Razmyshleniya ob istokah i rasprostranении nacionalizma*. — М.: Kuchkovo pole.

Andreenkova A.V. 1994. Postmaterialisticheskie / materialisticheskie cennosti v Rossii // *Sociologicheskie issledovanija*. № 11. S. 73—81.

Bashkirova E.I. 2000. Transformacija cennostej rossijskogo obshhestva // *Polis*. № 6. S. 51—65.

Calhoun C. 2006. *Nacionalizm*. — M.: Territorija budushhego (<http://www.prognosis.ru/lib/Calhoun.pdf>).

Edelman M. 1985. *The Symbolic Uses of Politics*. — Urbana: University of Illinois Press.

Evgenieva T.V. 2004. Kul'turno-psihologicheskie osnovanija obraza «drugogo» v sovremennoj Rossii // «Chuzhie» zdes' ne hodyat: *Radikal'naja ksenofobija i politicheskij ekstremizm v sociokul'turnom prostranstve sovremennoj Rossii*. — M.: Institut Afriki RAN. S. 39—57.

Evgenieva T.V., Selezneva A.V. 2007. Obraz vraga kak faktor formirovanija nacional'noj identichnosti sovremennoj rossijskoj molodezhi // *Politeia*. № 3 (46). S. 83—92.

Evgenieva T.V., Selezneva A.V. 2013. Politicheskie predstavlenija v kontekste istoricheskoi pamjati: obrashhenie k proshlomu v situacii krizisa identichnosti // *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. № 3. S. 158—167.

Evgenieva T.V., Selezneva A.V. 2016. Sovetskoe proshloe v cennostnom i obrazno-simvolicheskom prostranstve rossijskoj identichnosti // *Polis*. № 3. S. 25—39.

Evgenieva T.V., Titov V.V. 2010. Formirovanie nacional'nog-osudarstvennoj identichnosti rossijskoj molodezhi // *Polis*. № 4. S. 122—134.

Evgenieva T.V., Titov V.V. 2017. Obrazy proshlogo v rossijskom massovom politicheskom soznanii: mifologicheskoe izmerenie // *Politicheskaja nauka*. № 1. S. 120—138.

Gellner E. 1991. *Nacii i nacionalizm*. — M.: Progress.

Gorshkov M.K., Krumm R., Petukhov V.V. (eds.) 2011. *Dvadcat' let reform glazami rossijan (opyt mnogoletnih sociologicheskikh zamerov): Analiticheskij doklad*. — M.: Ves' mir.

Hobsbawm E. 2002. *Inventing Traditions* // Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) *The Invention of Tradition*. — Cambridge: Cambridge University Press. P. 1—14.

Inglehart R., Welzel Ch. 2011. *Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija*. — M.: Novoe izdatel'stvo.

Kapitsyn V.M. 2014. Identichnosti: sushhnost', sostav, dinamika (diskurs i opyt vizualizacii) // *Politbook*. № 1. S. 8—32.

Kapustin B.G., Klyamkin I.M. 1994. Liberal'nye cennosti v soznanii Rossijan // *Polis*. № 1. S. 68—92.

Klandermans P.G. 2014. Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the Dynamics of Protest // *Political Psychology*. Vol. 35. № 1. P. 1—22.

Klyamkin I.M., Lapkin V.V., Pantin V.I. 1995. Mezhdru avtoritarizmom i demokratiej // *Polis*. № 2. S. 57—87.

Lapin N.I. 1996. Modernizacija bazovyh cennostej rossijan // *Sociologicheskie issledovanija*. № 5. S. 3—23.

Malinova O.J. 2010. Simvolicheskaja politika i konstruirovanie makropoliticheskoi identichnosti v postsovetskoj Rossii // *Polis*. № 2. S. 90—105.

Malinova O.J. 2015. *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaja politika vlastvujushhej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti*. — M.: Politicheskaja enciklopedija.

Minenkov G.Y. 2005. Politika identichnosti: vzglyad sovremennoj social'noj teorii // *Politicheskaja nauka*. № 3. S. 21—38.

Petukhov V.V. 1999. Politicheskoe uchastie rossijan: harakter, formy, osnovnye tendencii // McFaul M., Ryabov A. (eds.) *Rossijskoe obshhestvo: stanovlenie demokraticeskikh cennostej?* — M.: Gandalf. S. 198—228.

Selezneva A.V. 2011a. Politiko-psihologicheskij analiz politicheskikh cennostej sovremennyh rossijskikh grazhdan: pokolencheskij srez // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*. T. 3. № 15. S. 22—33.

Selezneva A.V. 2011b. Politiko-psihologicheskij podhod k issledovaniju politicheskikh cennostej // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 345. S. 56—60.

Selezneva A.V. 2014. *Molodezh' v sovremennoj Rossii: politicheskie cennosti i predpochtenija*. — M.: Argamak-media.

Selezneva A.V. 2016. Rossijskoe obshhestvo v postsovetskij period: dinamika cennostnyh izmenenij jelity i grazhdan // *Politicheskaja nauka*. Specvypusk. S. 149—169.

Shestopal E.B. (ed.) 2012. *Psikhologija politicheskogo vosprijatija v sovremennoj Rossii*. — M.: ROSSPEN.

Smith A.D. 2004. *Nacionalizm i modernizm: Kriticheskij obzor sovremennyh teorij nacii i nacionalizma*. — M.: Praxis.

Tishkov V.A., Shabaev Ju.P. 2011. *Etnopolitologija: Politicheskie funkcii etnichnosti*. — M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Titov V.V. 2012. *Nacional'no-gosudarstvennaja identichnost' rossijskoj molodezhi v nachale XXI veka*. — M.: Maks press.

Vystuplenie Vladimira Putina na zasedanii kluba «Valdaj». 2013 // *Rossijskaja gazeta*. 19.09 (<https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>).